

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.66.55.022>

УДК 316.75

Олифир Ирина Александровна

аспирантка,

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

Lilit1535@yandex.ru

Irina A. Olifir

Graduate student,

Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin

ПЕРСПЕКТИВЫ ИДЕОЛОГИИ ФЕМИНИЗМА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

PROSPECTS FOR THE IDEOLOGY OF FEMINISM IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS

***Аннотация.** В статье на материалах первичного эмпирического исследования (анкетный опрос) рассматриваются позиции идеологии феминизма в общественном сознании россиян, сопоставляемыми с оценками сложившихся гендерных отношений. Констатируется противоречие между установками в отношении отечественного гендера и социальными практиками – поддержание традиционного гендера, с одной стороны, и объективная его деформация, с другой. Среди опрошенных немного твердых сторонников идеологии феминизма, однако не такое уж большое количество безоговорочно враждебных к нему. Наибольшая часть опрошенных характеризуется как своеобразное «болото», представители которого могут качнуться в сторону как поддержки, так и решительного отвержения феминизма, составляющей западного проекта политкорректности. Ряд социальных феноменов можно обозначить как бытовые феминистические практики, которые в перспективе могут сработать на прямую поддержку идеологии феминизма или на более терпимое к ней отношение.*

***Ключевые слова:** идеология феминизма, проект политкорректности, мужественность, гендерный порядок, российский социум, бытовые феминистические практики.*

***Annotation.** Based on the materials of the primary empirical research (questionnaire survey), the article examines the position of the ideology of feminism in the public consciousness of Russians, compared with the assessments*

of the existing gender relations. A contradiction is stated between attitudes towards domestic gender and social practices - the maintenance of traditional gender on the one hand and its objective deformation on the other. There are few firm supporters of the ideology of feminism among those surveyed, but there are not so many unconditionally hostile to it. The largest part of the respondents is characterized as a kind of "swamp", the representatives of which can swing towards both support and resolute rejection of feminism, which is a component of the Western project of political correctness. A number of social phenomena can be described as everyday feminist practices, which in the future may work to directly support the ideology of feminism or to make it more tolerant.

Key words: *feminist ideology, political correctness project, masculinity, gender order, Russian society, everyday feminist practices.*

Современная эпоха характеризуется нарастающей сложностью и неустойчивостью, что отражается в концептах «текущего общества» (З. Бауман), турбулентности (Дж. Розенау), мобильной реальности (Дж. Урри) и т.п. Целостность общественных систем в настоящий момент времени ставится под вопрос, что отражается, в том числе, и на духовном уровне. Политолог Дж. Шварцмантель описывает современное идеологическое пространство как вытеснение классических идеологических систем, охватывающих всю социальную проблематику, фрагментарными идейными структурами, которые затрагивают лишь определенный сегмент реальности [1]. Подобное мировоззренческое дробление, вполне вписывающееся в иницирующей появление групп социальных меньшинств проект политкорректности, выступает частью программы сетевых войн, которые ведутся лидером Западного мира – США, для упрочения глобального господства. Одной из весьма заметных фрагментарных идеологий выступает феминизм, который Б. Кагарлицкий считает одной из форм леволиберальной идеологии, по сути работающей на упрочение буржуазного общественного порядка [2, с. 62].

Не вдаваясь в анализ причин, отметим, что рассматривать феминизм как угрозу благополучию российского социума считаем в целом обоснованным. Но, чтобы адекватно ее оценивать, уместно принимать в расчет способствующие этому факторы, которые объективно существуют. В качестве таковых, мы полагаем деформацию гендерных отношений, что прежде всего является обратной стороной развития мировой цивилизации, ход которой неизбежно сопровождается выхолащиванием и упадком мужественности [3]. Перспективы идеологии феминизма целесообразно исследовать через исследование общественного сознания. С этой целью, было проведено эмпирическое исследование, данные которого будут

проанализированы в настоящей статье. Характер упомянутого исследования предполагал учитывать точки зрения обоих полов. За инструментарий была взята анкета и в качестве объекта послужили жители краевого центра от 19 до 50 лет, при этом респонденты мужчины и женщины оказались представлены практически в одинаковых количествах – 245 женщин и 247 мужчин. Задачи исследования отражали структуру анкеты. Сначала шли вопросы о ключевых проблемах существующего гендерного порядка; затем ряд вопросов о направлениях развития гендерных отношений; наконец, вопросы, выявляющие отношение к идеологии феминизма, и его позиции в российском сознании.

В отношении наличествующего гендерного порядка, установки мужчин и женщин принципиально различны особенно в том, что касается внутрисемейных функций. Так, считают, что главная функция женщины заключается в ведении домашних дел и воспитании детей две трети мужчин и всего лишь пятая часть женщин. Это, как можно полагать, связано с социальной активностью женщин их деловым раскрепощением, а также, с характерным для постмодерна скептическим отношением к традиционным культурным нормам. Более сходны оценки непосредственно гендерного порядка. Приблизительно, по две трети и мужчин, и женщин склонны считать его справедливым. Противоположное отношение высказало около 15-16,5% опрошенных, хотя немалая часть (одна пятая обоих полов) затрудняется с оценкой сложившихся гендерных структур.

Интересно, что более одной пятой мужчин, отрицающих справедливость сложившихся гендерных отношений, указывает не на большую стесненность женщин, но на чрезмерный круг требований к мужчинам как к главам семей. Получается, что определенная (пусть меньшая) доля мужской половины не прочь переложить на женские плечи собственные функциональные обязанности, что в общем то отражает тренд упадка мужественности. Сравнивая позиции мужчин и женщин по поводу критериев несправедливости гендерной структуры, заметно большее количество «слабой половины» (71%) акцентирует внимание на собственном подчиненном положении. Но нельзя не отметить, что около трети представителей «сильной половины» обозначили сходную позицию.

Заметный разброс мнений выявился при анализе данных ответов о необходимости карьерных расширений для женщины. Естественно, что женщины настроены здесь куда как радикальнее – более 60% считает, что слабый пол зачастую более компетентен в управленческих вопросах, чем пол сильный. Большинство респондентов мужчин (53%) склонны считать, что руководство женщин возможно только в исключительных случаях.

Таким образом, в предварительном заключении по поводу оценок отечественной гендерной структуры, следует отметить принципиально различные оценки женщин и мужчин в следующих моментах. Во-первых, традиционную внутрисемейную роль женщины, во-вторых, по поводу расширения для дам карьерных возможностей. Тем самым, следует предположить, что «слабый пол» более склонен приветствовать динамику гендерного порядка, тогда как «сильный пол» заметно более привержен консерватизму, считая, что мужчина берет на себя функции добытчика, в то время как женщине приписывается ведение домашних дел.

Следующий вопросный блок затрагивал непосредственные гендерные практики, где некоторый акцент был сделан на феномене мужественности, который, в совокупности с женственностью, закладывает некую основу гендерных отношений. В контексте представлений о содержательном наполнении мужественности, обозначились заметные различия у мужчин и женщин. Наибольшее количество респондентов мужчин (73,7%) считает основным критерием мужественности умение постоять за себя, несколько позади идет признак – способность держать слово и признавать ошибки; 58% упомянули целеустремленность, значительно уступает предыдущему критерию стойкости перед обстоятельствами (38,7%); 22, 6% отметили способность отстаивания собственной точки зрения, наконец, лишь 1,5% сделали акцент на внешней атрибутике – «иметь хорошую машину, красивую женщину».

Респондентки-женщины в подавляющем большинстве (72,6%), как желательный критерий мужественности отметили уверенность, психологическую устойчивость, целеустремленность; по количеству упоминаний на втором месте (38,5%) отмечается самостоятельность и независимость от других; на третьем месте оказался признак «добрый и любящий» (37%); менее одной пятой (17,8%) отметили материальную состоятельность, а обладание физической силой – 5,2%. Тем самым, если слабый пол делает упор на психологических чертах «настоящего мужчины», то «сильный пол» не менее ценит психофизиологические качества.

Динамика мужественности в сознании и мужчин и женщин оценивается во многом сходным образом. Подавляющее большинство респондентов (64,2% мужчин и 79, 3% женщин) констатирует тенденцию упадка, признавая, что количество мужественных парней неуклонно сокращается. В данном тренде трудно сомневаться, это именно тот случай, когда общественное мнение не искажает объективной реальности. Тому подтверждением является признание подавляющим большинством мужчин (86%) по сути позорной для себя ситуации – когда женщина вынуждено берет на себя сугубо мужские функции. Женщины здесь еще более

категоричны – лишь 1,5 % отрицает подобные случаи, тогда как среди опрошенных мужчин таких 14%.

Следствием кризиса гендерных отношений мы считаем феномен женской самодостаточности, фиксируемый большинством обеих групп респондентов (83% мужчин и 95% женщин). Правда, женщины, которые, видимо, исходят из личного круга общения, замечают данный феномен заметно чаще мужчин.

Продолжением темы явился вопрос об оценках такого явления как альфонсизм. Здесь, в общем-то, оценки респондентов практически идентичны (60% мужчин и 63% женщин считает это позором, тогда как вдвое меньшие группы опрошенных полагает это личным делом). Надо полагать, что большинство опрашиваемых руководствуются здесь традиционными установками: мужчина – добытчик, и никак материально не зависит от женщины. Между тем, примерно треть респондентов из обеих групп, относящихся терпимо к феномену альфонсизма, демонстрирует влияние как постмодернистской среды, которой присуще размывание моральных устоев, так и общества потребления. Наблюдается корреляция между оценками альфонсизма и отношениями к функциональной внутрисемейной структуре – респонденты, настроенные нейтрально к альфонсизму, в целом, склонны допускать более разнообразные здесь варианты распределения обязанностей.

Подводя итог анализу данного блока, констатируем, что кризис мужественности, предпосылки которого в западном социуме отмечаются в книге Ф. Зимбардо и Н. Коломбе [4], к сожалению, не миновал России. Правда, объективные процессы в данном случае обгоняют социальное мышление. Хотя респонденты, в целом, демонстрируют приверженность традиционным представлениям о мужественности, но количество мужественных парней объективно уменьшается, что вынуждает многих женщин брать на себя типично мужские функции и определенный здесь результат – рост количества вполне самостоятельных, но одиноких представительниц слабого пола. Данные факты возможно являются питательной средой феминизма.

Немаловажным для наших исследовательских задач являлся политический аспект коллективного сознания с точки зрения идеологии феминизма. Осведомленность об идеологической сущности феминизма на глубоком уровне затрагивает немногих россиян (6,5% мужчин и 9% женщин). Где-то, половина респондентов в обеих группах отметили позицию: «знаю в общих чертах», видимо воспринимая феминизм в форме информационного симулякра – как политическое движение за права женщин,

не особо при этом различая варианты феминизма. Около четверти респондентов опять же из обеих групп выбрали ответ «слышал урывками».

А вот, в плане оценок феминизма как политического движения наблюдаются уже более различные оценки. Респонденты-мужчины демонстрируют здесь куда большую нетерпимость – почти четверть (24,8%) считает целесообразным запрет подобных движений, тогда как сходное мнение высказали менее 10% женщин. Около четверти респонденток полагает, что феминизм порождается реальными социальными проблемами, в то время как 8% вообще готовы поддерживать феминизм как политическое движение. Самая большая часть опрошенных в обеих группах (31% мужчин и 36% женщин) высказали равнодушное в целом отношение к данному феномену, а около четверти и тех, и других затруднились с ответом. Выходит, что расположение к идеологии феминизма среди опрошенных проявило треть женщин и 16% мужчин.

Все это позволяет предположить, что база для феминизма как политического движения в России не столь уж широка, однако, она имеет потенциал расширения, так как большая часть респондентов к феминизму настроены в принципе нейтрально или достаточно терпимо. Их можно отнести к группе, которую условно (исходя из электоральной терминологии) можно обозначить как «болото» - сюда относятся не только нейтральные в своем отношении, но также те респонденты, кто не определился со своим отношением к феминизму как политическому движению. В перспективе не исключено, что данный сегмент опрошенных может склониться и к поддержке проекта феминизма. В любом случае, явных врагов у феминизма среди россиян не так уж много – судя по опросам, это четверть мужчин и почти 9% женщин. В то же время, следует подчеркнуть, что нам не удалось выявить четких корреляций между оценками феминизма и отношением к различными аспектам гендерных процессов отечественного социума.

В сопоставлении с другими ответами на вопрос более широкого охвата – об отношении к Западной цивилизации, можно констатировать, что около трети респондентов демонстрируют прозападный уклон видения внутривнутриполитической ситуации. Имеется группа опрошенных (39% женщин и 31% мужчин), исходящая больше из материальных аспектов реальности, которые в принципе могут оказаться в том или ином лагере.

Итак, в заключение, мы считаем уместными следующие выводы.

1) По ряду аспектов структуры гендерного порядка оценки мужчин и женщин расходятся – если первые отстаивают традиционные принципы гендера, то вторые более настроены на их определенную модернизацию, предполагая предоставление, прежде всего, больших карьерных возможностей слабому полу, из чего следует поддержка усиления гибкости

структуры внутрисемейных отношений. В то же время, среди мужчин-респондентов немало тех, кто готов предоставить дамам большие возможности к социальному продвижению.

Следует отметить противоречие между установками в отношении российского гендера и социальной практикой. Подавляющее большинство респондентов и значительная часть респонденток поддерживают вроде как сложившийся гендерный расклад. Но, с другой стороны отечественный социум отнюдь не обошли процессы упадка мужественности, отражающиеся в снижении количества «настоящих мужчин». Тем самым, в социальных практиках просматриваются тенденции, по сути, разрушающие гендерный порядок на микросоциальном уровне, где распространяется своеобразный бытовой феминизм, не столько идеологического, сколько практического плана. Речь идет о нередко вынужденном принятии женщинами традиционно мужских функций, что ведет к росту феномена одиноких и самодостаточных женщин. Подобные явления, с некоторой долей условности, можно обозначить как *бытовые феминистические практики*, в перспективе которые могут сработать если не на прямую поддержку идеологии феминизма, то на более терпимое к ней отношение.

2) Исследование идеологической составляющей феминизма в общественном сознании россиян показало, что твердых его сторонников в России весьма немного даже среди прекрасной половины (менее 10%), но, в то же время, не так уже много тех, кто безоговорочно отвергает его. Явных корреляций между оценками феминизма и отношением к различным аспектам гендерных отношений не было выявлено. В качестве идеологии феминизм ассоциируется во многом с западным проектом политкорректности, к которому большинство наших соотечественников относятся в целом отрицательно. В то же время, около трети опрошенных из обеих групп связывают малую распространенность феминизма в отечественной среде результатом отсутствия здесь политической свободы в западном понимании, из чего подобный сегмент следует отнести уже к симпатизантам западной цивилизации. При этом наибольшую часть опрошенных уместно идентифицировать как своеобразное «болото», из которого потенциально могут выйти как сторонники западной, так и антизападной позиции. И указанное обстоятельство уместно принимать во внимание российским политическим структурам в противостоянии с Западным миром.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту)

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and

неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по их запросу.

position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Шварцмантель Дж. *Идеология и политика*. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 304 с.

2. Кагарлицкий Б.Ю. *Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма*. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2017 – 272 с.

3. Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В., Дулуниц Г.А. *Динамика мужественности как предпосылка деформации гендерного порядка: исторические аспекты // Теория и практика общественного развития*, 2022, № 9.

4. Зимбардо Ф., Коломбе Н. *Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности* – М: Альпина Паблишер, 2017 – 344 с.

References:

1. Schwartzmantel J. *Ideology and politics*. Kharkiv: Humanitarian Center, 2009. – 304 p.

2. Kagarlitsky B.Yu. *Between class and discourse. Left intellectuals on the guard of capitalism.*: Publishing House of the Higher School of Economics, 2017 - 272 p.

3. Tambiyants Yu.G., Shalin V.V., Dulunts G.A. *Dynamics of masculinity as a prerequisite for the deformation of the gender order: historical aspects // Theory and practice of Social Development*, 2022, No. 9.

4. Zimbardo F., Colombe N. *A man in isolation: Games, porn and loss of identity* – M: Alpina Publisher, 2017 – 344 p.